

КРУГОЗОР

**А.Е. РАЗУМОВ, старший научный
сотрудник
Институт философии РАН**

**Долгий путь к человеку
(истоки, идеалы, идеологии)**

Автор размышляет о смысле своей жизни в контексте проблемы смысла всемирной истории. Человек всегда стоит перед выбором пути. Либо он пойдет по одной из дорог гуманизма, либо ему грозит досрочное исчезновение. В осмыслении данной темы востребованы компоненты мифологического, религиозного, философского и научного мышления.

Ключевые слова: человек, творчество, миф, идея, идеал, идеология

Господи, мы знаем, кто мы такие,
но не знаем, чем можем стать.
Шекспир «Гамлет»

История пульсирует во мне временами и мыслями. Прошлое, настоящее, будущее. Прошлого уже нет, будущего еще нет. Со мной неуловимое настоящее. «Правильнее говорить так: есть три времени – настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Все три времени существуют только в нашей душе – это память, непосредственное созерцание и ожидание», – учил Августин Аврелий в «Исповеди» [1]. В дальнейшем мне придется говорить о временах и о мыслях.

Времена в моей мысли... Где-то в исторических пластах залегают идейные основания для важнейшего в моей жизни выбора: пойду ли я одним из путей гуманизма, где на горизонте сияет звезда Совершенного Человека, или, подчиняясь указаниям различного рода идолов (властолюбия, алчности, страсти потребления и прочих «идолов рынка» или «идолов театра»), стану слугой исторических стихий. Ясно, что мое эмпирическое «Я» окажется где-то в промежутке между этими полюсами, но, может быть, останутся цель и направление движения. Останется зовущее понимание того, что путь гуманизма – это и есть путь человека, вне которого – провал и досрочное исчезновение.

Надлежит осуществить выбор между эмпирией и идеалом. Задача не из легких, ибо с начала исторических времен и по сей день идеал с большим трудом пробивался в человеческое общежитие – его постоянно дополняла, исправляла, отменяла эмпирическая данность. У меня, как и у моего современника, нет морального права уклониться от выбора, но для того, чтобы он был осмысленным, надлежит разобраться с эмпирическим и идеальным «Я». Каждому со своим. Не исключено, что в поисках идеального смысла собственной жизни мне предстоит движение за пределы физики мира и за пределы истории событий. Мне придется обращаться к теологии и к мифологии того, что составляет жизнь. Придется, видимо, обратиться к философии человеческого существования, к истокам философии жизни.

В потоках мысли присутствуют «экзистенциалисты»: Плотин, Августин, Паскаль, Киркегор, а также Эмпедокл, Гераклит, Марк Аврелий, Отцы Церкви, Абельяр, Бруно, Спиноза, Шеллинг, Камю... Истоки таятся в духе первобытной культуры, творившем и поныне живые мифы и религии. Истоки в сокровенном внутреннем мире человека, к которому я хочу при-

общиться, стремясь уйти от недосказанности, унылой необходимости, повседневности и неизбежного конца. Уйти к многомерности бытия, к сути свободы, к бессмертию, возможно.

Однако это уже похоже на идеал, и я стану обращаться к нему в течение своего повествования, а пока задержусь на экзистенции и попытаюсь рассказать вам о себе как о произведении своего времени, чтобы посмотреть, продвинулись ли мы («Я» и время) по пути гуманизма и человечности. Позвольте представиться: полагаю себя произведением, даже жителем XX столетия, хотя успел некоторым образом обозначиться и в нынешнем. Считаю «своим» не все столетие, тем более не все, что о нем знаю и помню, не все, чему был свидетелем; многое в нем считаю необходимым навсегда изгнать из дальнейшей истории. Из коллективной памяти об ушедшем нельзя изымать знания о массовом терроре и ГУЛАГе, не следует забывать о том, что были Освенцим, Белжец, Хелмно, Майданек, Собибор, Трешлинка, Бухенвальд... Забывать об этих составляющих моего века нельзя. Но было и другое – достойное и героическое, – и именно оно в большей степени представляет мое «настоящее прошлое», мое время, каковое, как отмечалось, существует «только в душе», просто «в душе». В нем не только мировые и гражданские войны, тоталитарные режимы и диктатуры, толпы и неизбежные революции. В нем «через тернии к звездам» пробились себе дорогу гуманизм. В нем формировались мои представления о ценностях, о ценности жизни в частности. В нем же остались мои главные ожидания и разочарования. Несбывшееся. Из своего настоящего я вновь зову несбывшееся, но понимаю, что оно не придет, ибо время его ушло.

Конечно, столетие хранит о себе и мою благодарную память об истории отечества. Вспоминаются для начала и ликвидация неграмотности, и индустриализация с электрификацией, и бесплатные медицина и

образование. Далее я помню и героическое освоение Севера, и, конечно, Победу, и мировые заслуги фундаментальных наук, и освоение Космоса, и многое другое. Например, отсутствие масштабного воровства в министерстве обороны. Чем точно не могу похвастаться, так это бывшим политическим руководством. Сегодняшнее руководство по ряду параметров выгодно отличается от предшественников, но эволюция его еще не завершена, и многое настораживает. Хотя, как отмечал еще граф Жозеф де Местр, «каждый народ имеет то правительство, какого достоин». Правда, если читатель не возражает против банальностей, я мог бы заявить, что каждый народ имеет ту историю, которой он достоин, а история выявляет и образует степень его общечеловеческого достоинства. Впрочем, похоже, это совсем не банально и может стать предметом отдельного разговора. В любом случае, следует прислушаться и к тому, о чем толкует граф – современник Французской революции и Бонапарта.

В этой связи мне не мешает задуматься о том, кто я и что мне нужно приобрести или поменять в себе, чтобы заполучить, в частности, достойное правительство, которое в состоянии повести меня каменистой тропой гуманизма. Пока мне даже отдаленно не довелось жить при правительстве моей мечты. Придется, видимо, таким, как я, шагать самим, пытаюсь создавать новое гражданское общество. Для строительства такового Кант советовал каждому стать гражданином мира, то есть мыслить так, чтобы его мысль была понятна другому.

Далее я поведу речь об идеологиях, а пока отмечу, что различаю собственную, персональную, и официальную идеологии, и укажу, что большие хлопоты моим учителям доставляла именно официальная идеология, которая, правда, менялась со временем, подобно всем иным человеческим произведениям. Здесь можно вспомнить контролирующий мысль и сознание «принцип партийности» в культуре и в фи-

лософии. Первоначально он претендовал быть всепроникающей доминантой любого мышления, а в итоге свелся к требованию материализма, на чем настаивало естествознание. В области социальных наук принцип партийности поддерживал ортодоксальный марксизм.

Разные случаются идеи и идеологии. Иногда весьма полезные, иногда не очень. Есть своя идеология (логика «идей») даже у воровства и разбоя, есть внутренние обоснования у традиционного российского пьянства. Революционер-реформатор Б.Н. Ельцин призывал, помнится, интеллигенцию спешно создать для «россиян» новую национальную идею. Подчеркивалось – не идеологизированную. В этой связи отмечу, что нация, которой управляет лишенная логики идея, нуждается в излечении, в пристальном внимании Неба, а ее коллективное сознание должно быть помещено в одну из небесных психиатрических клиник. Для восстановления бывшего статуса Богоизбранности хотя бы. Пока еще ни один народ не смог отказаться от особых отношений с Создателем и от права нести эту истину всякому иному сознанию. «Что хочет Америка, то хочет Бог!» – эта идеология разнесла по всему глобализму оружие и триллионы внешнего долга США. Моя родная держава, как уже отмечалось, тоже не образец «непротivления злу насилем», и, было время, стремилась по всему миру нести правду социализма. Атеистически-религиозную правду. Сегодня мы ушли от биполярного мира. Явились Китай и «перегрузка» мировых отношений, и далеко не ясные перспективы. Что касается национальной идеи, то, по моему убеждению, она является одной из возможных проекций человека-личности на ту историю, которая его сотворила. Русская идея – это слияние личности с русской историей, русской культурой, с ее религией, национальными интересами, с будущим России. Слияние не означает безоговорочного подчинения, оно означает сопричастность. В этой связи нам,

«россиянам», явно не повредит более трепетное отношение к заветам предков. Хорошо бы еще разобраться, к каким...

Идеи и идеологии вносят порядок в сумятицу общественного сознания. Так сложилось, что термин «идеология» оказался тесно связанным только с политическими реалиями, и напрасно. Логика идей упорядочивает наше мышление, начиная с той поры, когда пралогическое мышление [2] предков уступило место «дискурсивному» способу познания, строящемуся на понятиях и выводах, образованных на основе логических умозаключений, на последовательном соединении признаков и доказательств, на поисках причин и следствий. Дискурсивное опирается на рациональные соображения и определенные идеологии. XX век – это век, когда, оставаясь рациональными, радикально менялись многие исследовательские идеологии, или «парадигмы», если кому-то больше нравится этот термин. Вместе с ними менялись наши представления о мире, о себе и о своем месте в мире.

«Время стоит – это мы проходим» – такую мысль провозглашали любитель мудрости епископ Гиппона из Тагасты (что в Северной Африке) и уже упоминавшийся Блаженный Августин. Н.М. Карамзин утверждал, что «слова принадлежат веку, а мысли векам». Мысль Августина принадлежит векам. Триста лет время «стояло» или равномерно текло, независимое от каких-либо физических реалий и равнодушное к событиям подлунного мира, в небесной механике Ньютона, пока ее не потеснила иная научная идеология-парадигма. Специальная и Общая теории относительности изменили идею (и логику) пространства-времени-тяготения, а квантовая механика (и дальнейшие чудеса физики мира вроде допустимости путешествий во времени) сильно проблематизировали «логику непротivоречия» Аристотеля и стимулировали появление и утверждение многозначных и паранепротivоречивых логик. Спо-

ры о логике Аристотеля продолжают по сей день и даже приобретают новую актуальность. Здесь я считаю уместным отослать читателя к книге Яна Лукаевича «О принципе противоречия у Аристотеля» и к предисловию к ней проф. А.С. Карпенко, где анализируются проблемы современных многозначных логик [3]. Для меня важно, что и сама логика подвержена влиянию и развивается в рамках идеологий. Идея и логика... Сомнительно, чтобы в человеческом уме они могли существовать раздельно. Хорошо уже и то, что логика, как и прежде, проводит истину от посылок к следствиям и из истины не следует ложь.

Мысль Августина принадлежит векам, несмотря на изменчивость представлений о физике времени. Тем более что он отчасти прав, и мы живем, подчиняясь законам независямого от нас времени. Мысль и время – это, конечно, особая тема, ибо мысль является весьма своеобразным «бытием» и может, как никакое иное, странствовать по миллиардам лет в любом направлении, выходить за пределы времени в вечность и далее почтительно поклоняться Предвечному. Наш герой, полагавший, что «мир сотворен не во времени, а вместе со временем» [4], следует именно такому направлению ума. Мне же, учитывая тему статьи, важнее отметить, что, объединив в одном учении две идеологии – греческое убеждение в изначальной гармонии мира и рациональность с христианской верой в творящие начала любви и свободы, классик патристики сумел стать одним из признанных толкователей сути творческой личности. Личности, которая веками плодоносила в европейской истории и не утратила этого свойства до нашего времени. Этому свойству личности есть объяснение. Об этом, как о составляющей главного задания истории по части поисков человеческих совершенств и гуманизма, еще предстоит разговор.

Когда я размышляю о становлении и прошлом гуманизма, то невольно задаюсь

вопросом о том, кем «Я» был, когда меня не было. Память уносит меня далеко за пределы моего родного столетия, ведет к берегам великих рек и водоемов, к разным временам, разным цивилизациям, культурам, к разным племенам и народам. Все, что было не со мной, помню. Понимаю: чтобы помнить, нужно прежде знать. Знание опережает память. Знание стимулирует и обогащает память. Наша память прирастает знанием. Следуя адресованному потомкам Завету первого пророка Яхве Моисея, постараемся познать и припомнить весь уже пройденный путь собственного, пока еще не завершеного «исхода» из рабства – из плена первобытных страстей и инстинктов к высокой морали, к Свободе, то есть к Совершенному Человеку.

Однако прежде позвольте одно замечание как ответ на возможное возражение, что предлагаемое движение есть путь к мифической цели. Пусть никого не смущает принятое в статье несколько вольное толкование понятия «миф». Послушаемся совета методолога К. Поппера и не станем затевать бесполезного спора о значении терминов. Мифом я называю своеобразное истолкование реальности – отклонение от нее в сторону воображаемого и желаемого. В дальнейшем я стану следовать именно такому, вовсе не противоречащему традиционному, пониманию мифа (и мифологии).

Нас не должно удивлять то обстоятельство, что пройденный и предстоящий путь, случается, прорастает мифологемами и замешанными на них идеологиями. Как, например, Вы относитесь к древнему убеждению о коммунистическом равенстве всех перед Богом? Мифом является коммунизм как учение о земном Рае, и мифом является то, что наш воруемый и коррумпированный капитализм уже в скором времени станет обществом всеобщего изобилия. Мне предложено выбирать, к чему склонить свои симпатии. Реальность утверждает, что финансовая верхушка общества поражена неизлечимой, заразной болезнью, называ-

емой отсутствием совести, а миф настаивает на том, что это болезнь роста, что в скором времени наши олигархи перекуются в патриотов России и в страну хлынут потоки инвестиций из зарубежных банков. Как говорил глубочайший исследователь природы и феномена мифа Алексей Федорович Лосев, «миф – это жизнь». Мераб Мамардашвили считал миф «человекообразующей машиной» [5]. Мы периодически разоблачаем мифы, чтобы на их месте воссияли другие. Такова жизнь. Я зову Совершенство, хотя знаю, что оно является мифом и прорастает на почве реальности при содействии мифа. Миф – это то, что выводит меня за пределы физики мира и событийной истории в область воображения. «Расскажи мне не о том, что было, есть и будет, а о чем-нибудь еще», – предлагал Гомер.

Теперь, после оговорки о роли мифа в моем умозерцании, я могу продолжить свои изыскания в области гуманизма и Идеала гуманизма. Ясно, что реальность и реалистичное сознание должны контролировать воображение, но без воображения не обходится ни одна самая строгая наука. Не обходится не только поиск истины, но и ее толкования и интерпретации. Скажем, если бы сила земного тяготения в два раза превышала ту, что имеем, наши длинноногие дамы были бы в два раза ниже и плотней, а «Мисс Вселенная» выглядела бы иначе. Но мы выходим за пределы физики, и вот уже: «Красота спасет мир!» Не только женская красота. Мы мысленно уходим еще дальше от физики: красота не только тела, но, главное, красота души... Мы на пути к идеалам и совершенству.

Известно несколько исторических персонажей, достойных претендовать на роль Совершенного Человека. При этом каждый со своей теологией и философией образа. И каждый пророс обильными всходами мифологий. Могу назвать принца Гаутаму, последнего Будду, или Пророка, слугу Аллаха Мухаммеда. Меньше у нас извест-

тен царь и воин Кришна. По понятным причинам мне ближе всего Иисус из Назарета, оставивший потомкам Новый Завет. Спаситель возложил на меня, на мою совесть ответственность за происходящее. Согласно изреченному Слову, отдельному индивидууму предписывалось то, что прежде относилось к компетенции рода. Ко всему прочему, ему надлежало стать единицей всемирного братства, где нет ни эллина, ни иудея, ни бедного, ни богатого. Человеку было предложено стать новой Личностью и в дальнейшем самому писать новые главы своей новой, более совершенной истории. Случится это, однако, не раньше, чем им будет исполнен моральный кодекс, согласно которому следует возлюбить врага, подставить другую щеку для удара, когда ударили по одной, и выказывать иное непротивление злу насилием. Как я понимаю, это уводит исполнение задачи к горизонту существования и к «путеводной звезде», подобной той, что светила волхвам над Вифлеемом. Пока же мы живем скорее по Пятикнижию упомянутого уже Моисея, где можно встретить и «око за око и зуб за зуб», и «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит, 19: 18). Последнее, правда, относится только к «сынам народа твоего». Сложнее с его советом не воровать. Поэтому не стану касаться сугубо религиозной составляющей учения Христа и, сознавая условность этого разделения, ограничусь его возможным, так сказать, светским толкованием.

Самое важное, что было заявлено о самооценности человеческой личности. Личность выдвигалась со второго на первый план исторических оценок движения. Тот путь, на который зовет возможное светское толкование религиозного Завета, ведет нас к науке и к новой философии личности. Для начала – к синтезу светского и религиозного подходов в вопросах морали, где человек объявляется носителем трех фундаментальных стремлений-свойств, ипостасей-сущностей. Имеются в

виду познание, любовь и свобода. Они направляют и ведут нового человека по долгим путям познания к любви и к свободе. Так человек понимается в «классической теории личности», каковой я следую на протяжении всего нашего разговора. Эти человеческие цели тесно взаимосвязаны. Скажем, познание является гуманным, если для достижения цели употребляются только дозволенные моралью любви средства, а результаты используются не только во благо отдельных групп и персонажей. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными», – провозгласил апостол Иоанн (8, с. 32).

По линии теории познания мы знаем, что дорога к человеку обозначилась задолго до появления христианской версии личности. Что касается места человека во Вселенной, то достоверно известно лишь то, что, по крайней мере, в одной из ее областей возник, по крайней мере, один очаг жизни. Было ли это делом случая или является следствием неизвестных пока физико-химических закономерностей? Остается простор для самых разнообразных фантазий. Существует, правда, антропный принцип, но содержание его размыто и сводится к заявлениям о том, что для появления жизни и человека нужен комплекс определенных условий. Каких? Здесь большое разнообразие мнений. Впрочем, согласно современным теоретическим построениям (возраст теории – около 30 лет), если бы в начале времен, в первые мгновения после Большого Взрыва возникли иные значения мировых констант, некому было бы рассуждать об антропном принципе...

Антропологи полагают [6], что примерно 2 млн. лет назад по планете уже шагала архантроп, поедая плоды деревьев, траву и мясо, отращивая мозг. Тогда, в сумерках животного существования, в немоте протоистории вспыхнуло сознание. Произошло это судьбоносное для меня событие около 200 тыс. лет назад. Появился современный вид человека. За 40 тыс. лет до рож-

дения Христа и начала новой эры появились искусство и сельское хозяйство.

Движение к гуманизму началось не раньше, чем человеческий род стал осознавать себя в качестве такового и попытался, исходя из этого факта, строить общечеловеческую мораль. Непростое задание, крайне противоречивое и не при всех обстоятельствах осуществимое. Дело в том, что новое порождение эволюции выпадало из прежнего порядка вещей. Речь идет о специфическом противоречии. С одной стороны, генетическому Адаму не возбранялось в большом, всевозрастающем количестве истреблять представителей своей расы, своего рода и вида, чего в животном мире до него не случалось. С другой – для исполнения морали ему следовало с симпатией относиться к собратьям по генетике и по естественному отбору. Задание со временем осложнялось тем, что между собратьями утвердилось разделение труда, формы и способы присвоения результатов труда собрата, появились социальные группы, групповые интересы и групповое сознание, что все вместе сильно затрудняло и до сего дня затрудняет дорогу к Совершенному Человеку и Всечеловечеству. Дорогу к Храму.

Поиски истоков гуманизма ведут к разным культурам и цивилизациям. Ведут к временам перехода от массово-архаических, коллективистских, этнических или локальных религий к религиям личностного спасения, называемых нами мировыми религиями. И вот что интересно. Названный переход происходил в разных, иногда мало, иногда вовсе не связанных взаимовлияниями, культурах, что, ко всему прочему, указывает на их закономерный исторический и общечеловеческий характер. Скажем, нравственный императив, известный как «золотое правило морали», мы находим в буддизме, даосизме, индуизме, исламе, конфуцианстве, сикхизме. Конечно, и в христианстве: «Возлюби ближнего твоего как самого себя».

При этом следует отметить закат суще-

ствовавшей прежде мифологии с ее многими богами. Императивы обращены, конечно, к эмпирическому человеку, к его повседневности, хотя идеальный человек тоже присутствует, подразумевается моралью. Более того, он приобретает в итоге форму единого Бога. Идеал в очередной раз обгонял и придавал новый, более глубокий смысл человеческой экзистенции и всей философии существования. Отслеживая смысл и назначение истории, Ясперс обратил внимание на появление на одной временной оси человека нового типа (современного человека, фактически) и целого ряда весьма значительных исторических персонажей. Обнаруженная Ясперсом ось мировой истории, «осевое время» между 800 и 200 гг. до н.э., включает эволюцию от мифологического к философскому сознанию [7]. Человек начинает осознать мир в целом, а вместе с этим перед ним открывается трагизм бытия и собственная незащищенность. Появилась нужда в рефлексии, в поиске абсолютного и трансцендентного мира, истоки которого нужно было искать только в самом себе. Призыв дельфийского оракула по сей день является центральной задачей человеческого творческого поиска: «Познай самого себя!». Словом, современный человек в те времена уже состоялся и эволюционирует, порождая новые природные и социальные условия, новые типы личностей и новые моральные кодексы. Всеобщая, общепризнанная мораль светится на моем горизонте.

Хорошо бы, чтобы две вещи наполняли мою душу, подобно душе Канта, «всегда новым удивлением и благоговением – звездное небо над головой и моральный закон во мне». И ни одну не было бы «надобности искать как нечто окутанное мраком», поскольку они перед нами и непосредственно связаны с сознанием нашего существования. Хорошо бы, но, кажется, восхищение моральным законом опять-таки скорее относится к идеальному, а не к эмпирическому человеку. Можно к уже названным

добавить еще одно препятствие на дороге утверждения общечеловеческих начал. На этот раз отметим сами мировые религии, которые никогда не приветствовали соперников по влиянию на умы и души, не одобряли инакомыслие, тем более инаковерие. Самые миролюбивые «по вере их» религии затевали кровопролитные войны с иноверцами, даже с братьями по вере, но иной конфессии.

Кажется, что положение изменилось – нет уже кровопролитных религиозных войн. Шахиды еще взрываются, террор присутствует, но религии более терпимы. Жаль, что двадцатое столетие является чемпионом истории по количеству убиенных личностей, по растворению «личностей» в толпах, по замене идеалов на идолов. Мы были близки к самоистреблению рода, но, может быть, рожденный столетием глобализм потребует и породит более гуманное мировое сообщество? Слишком велики риски, чтобы терпеть их далее. Между тем пока совокупное человечество, даже если отвлечься от производства оружия, не столько созидает, сколько разрушает собственное будущее. Мы ворует нефть и газ у внуков и правнуков, не слишком заботясь поисками новых, альтернативных источников энергии. И не желаем знать и помнить, чему учит мудрость Конфуция: «Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности».

В этой связи, и не только в этой связи, хорошо бы ответить на такой, казалось бы, простой вопрос: существует ли «прогресс» исторической личности? Ответ, полагаю, должен быть отрицательным. Человек во многом изменился к лучшему, случилось, изменялся и к худшему – дело не в этом. Изменились ли его устремления к творчеству и его творческие возможности? Творчество является главной отличительной особенностью, основополагающим началом, атрибутом личности. Обстоятельства могут либо препятствовать, либо способ-

ствовать творчеству, но суть личности остается неизменной. Творчество образует главный (не единственный) смысл жизни; в творчестве реализуется то, зачем «я» явился, хочу познать мир и рассказать о себе другому. Так вот, возвращаясь к древностям, я склонен думать, что у первого, кто предложил жизнь по обычаю заменить жизнь по закону и праву, то есть у полководца и законодателя царя Хаммурапи (1792–50 до н. з.) творческое начало было развито не меньше, чем у нашего законодателя полковника В.В. Жириновского. Поэтому о прогрессе творческих способностей предпочитаю не говорить. Станем лучше реализовывать те потенции, которые перешли к нам от предков. Реализовывать на пути к идеалу, желательно.

Связь и гармония человека и Космоса (безличного, как у греков, или личного, как у христиан), человека и общества, гражданина и государства, законосообразность мирового и социального порядка, необходимость и случай, воля и произвол, личная свобода, уникальная индивидуальность, коллективизм – все уже было в веках.. Абсолютное добро, всеобщее благо, долг, который превьше всего, совершенная красота, открытое бесконечностям познание и прочее, что составляет атрибуты и модусы Совершенства и что выводит нас в идеальный мир за пределы физики мира и истории событий, – светили еще ионийцам, а по-другому, из иных светильников – на берегах Нила, Тигра и Евфрата, Ганга и Хуанхэ, на берегах Мертвого моря. Вспомнилось мне это потому, что захотелось отметить общий с моим современником категориальный строй мышления предков и похожие поиски смысла жизни и смысла истории.

Теперь я хочу напомнить, что греко-римская античность является культурной родиной европейцев. Есть смысл вспомнить об этом хорошо известном факте, если уж автор вызвался соотносить современность с началами движения к гуманизму. Античности, ее первоначальным творческим им-

пульсам обязаны Возрождение, Просвещение, барокко, романтизм. Она в философии, литературе, поэтике и этике. У России свои особые отношения с античностью. Как и в прочей Европе, античность включена в содержание культуры, смотрит с художественных полотен; она в камне и бронзе, в идеале красоты человеческого тела. По понятиям наших предков, история начиналась с Гомера и Троянской войны. Читающая Россия столетия впитывала мифологию, философию и нравучительность Илиады и Одиссеи. Творческие импульсы античности ощущали Ломоносов и Пушкин. Чтобы долго не говорить на тему греко-латинского влияния, можно напомнить о знаменитой некогда Славяно-греко-латинской академии, где взращивалось историческое, национальное сознание, или о «дионисийском культе» внутри русского «культурного ренессанса».

А сейчас я хочу поговорить о познании «фюзик» – природы, в частности сказать о том, что идущая из древней Ионии философия и вера в изначальную гармонию мира, в то, что «все есть число», способствовали появлению и развитию естествознания и математики, вследствие чего европейская наука оказалась далеко впереди выдающихся арабских мыслителей и мудрецов Поднебесной. Отметим школу пифагорейцев, введенные ими понятия об иррациональных числах, математической бесконечности, предела и беспредельного, актуальность математических идей Платона в обосновании математики [8]. Выше говорилось о дошедшей к нам от Аристотеля логике, теперь хочу напомнить, что преобразованная математикой формальная логика давно уже лежит в основе анализа языка науки, и не только науки. Еще Сальери у Пушкина «алгеброй поверил гармонию», и правильно поступил. Не проверил, заметьте, а поверил, то есть соотнес музыку с математикой. Логические исчисления связаны со многими чудесами сегодняшнего дня. Логика неотделима от компьютеризации и

мировых информационных сетей. Главная же ее заслуга перед мышлением в том, что она устраняет, ограничивает неопределенность, творит из хаоса порядок. Идеологии упорядочивают убеждения, логика вносит порядок в умы, в мысли.

Двадцатый век, который я вызвался представлять, является на сегодня самым смертоубийственным, самым трагичным столетием истории. Но, как советовал Гораций, «люби не то, что хочется любить, а то, что можешь, то, чем обладаешь». Поэтому, критически относясь и не принимая многих его проявлений, пытаюсь отыскать в нем нечто достойное и обнадеживающее. В том столетии была решена проблема голода и голодных смертей, обозначилась и утвердилась новая демократия, во главе ведущих стран появились менее свирепые политические режимы, существенно уменьшилась угроза тоталитаризма. Все более широким слоям населения стало доступным образование и приобщение к богатствам мировой культуры. Главное – к концу века уменьшилась угроза глобальной термоядерной катастрофы. Сегодня мы живем под знаком этих достижений, и теперь слово за нынешним столетием.

Хочу прояснить важный для меня вопрос: продвинулись ли мы с моим любимым ве-

ком на пути к гуманизму и к тому, кто был назван Совершенным Человеком? В ответе воспользуюсь мудростью Сократа, который «знал, что он не знает». Для нынешнего дня характерно уплотнение, замедление социального времени. Оно, правда, не «стоит», зато «мы проходим» значительно быстрее. Величину времени укладывается значительно больше социально и исторически значимых событий, чем во времена Августина. Все так. И все же столетие – слишком малый срок, чтобы определить суть эпохи. Поэтому «я знаю, что не знаю», и окончательного ответа на поставленный вопрос у меня нет. Зато я знаю, что сохраняется способность человека-личности к творчеству, а значит, и смысл жизни многие видят не только в хорошем пропитании, карьерном росте и обладании. На них уповаю, на них моя главная гуманитарная надежда.

Конечно, «мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать», и это не только оттого, что разучились контролировать будущее, но еще оттого, что будущая творческая личность сама выберет свои дороги. Наша историческая задача – создать для этого условия. Однако идеалы ей не помешают. Идеальный человек, в частности.

Совершенный Человек, как и прежде, светится на горизонте истории.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: Канон, 2005. С. 222.
2. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999.
3. *Лукаевич Я.* О принципе противоречия у Аристотеля. М. – СПб.: ЦГИ, 2012.
4. *Августин Аврелий*. О Граде Божиим. Кн. VI-XI. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_6-11.pdf
5. *Мамардашвили М.К.* Путь к очевидности. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13.
6. *Олескин А.В.* Биополитика. М.: Научный мир, 2007. С. 81.
7. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 32–37.
8. Платон-математик / Ред. А.П. Огурцов. М.: Голос, 2011.

